

Новые книги по истории русской эмиграции

White Russians, Red Peril: A Cold War History of Migration to Australia. By Sheila Fitzpatrick | *La Trobe University Press*, 2021. 350 pages.

Фицпатрик Шейла. Белые русские, красная опасность. История миграции в Австралию во времена холодной войны.

Об авторе.

Шейла Фицпатрик (1941 г.р., Мельбурн, Австралия) австралийский и американский историк, специалист по социальной истории СССР. Ряд ее книг опубликованы на русском языке. Например: *О команде Сталина: годы опасной жизни в советской политике*. М.: Издательство Института Гайдара, 2021 и др.

Новая ее книга о русских мигрантах из Европы и Китая в послевоенный период. Ниже отрывок из «Введения» книги.

Эта книга - история миграции. Не та безобидная история миграции, когда люди стремятся улучшить свое положение, переезжая в чужую страну, а ее отчаянный вид, когда беженцы, чьи жизни были опрокинуты войной и другими бедствиями, совершают прыжок в неизвестность, потому что некоторые далекие страны предлагают им визу. Эта истории русских, которые попали в Австралию после Второй мировой войны. Война была извержением, которое выкорчевало большинство из них и сделало (в текущем официальном лексиконе) «перемещенными лицами» (displaced persons, or DPs), или DP. Более ранняя русская революция 1917 г. и приход к власти Коммунистической партии в Китае в 1949 г. тоже часть этой истории. Некоторые русские мигранты были советскими гражданами до начала войны и были перемещены непосредственно в результате этой войны, а некоторые бежали из России после революции и межвоенные годы провела в Европе или Китае.

Примечательно, что вначале именно Австралия была той страной, которая собрала наибольшее количество российских перемещенных лиц, – украла их, с советской точки зрения, –но позже гораздо более крупные и мультикультурные Соединенные Штаты обогнали ее. Несмотря на это достижение, которое, кажется, никто в Австралии не осознавал, русские составляли относительно небольшую часть австралийского беспрецедентно

большого послевоенного притока небританских мигрантов, хотя их было существенно больше, чем предполагает официальная статистика. Разумная оценка на основании очень запутанных данных предположительно составляет, около 20 000 россиян, прибывших из Европы и Китая в период 1945-54 годов, еще 5000 приехавших из Китая к 1960 году, в общей сложности это составляет около 25 000 русских мигрантов, прибывших в течение пятнадцати лет после Второй мировой войны.

Какими бы ни были цифры, российский контингент представляет особый интерес. Во-первых, их траектории перемещения до прибытия на берега Австралии были поразительно сложными и несопоставимыми: самый обычный человек, если бы он захотел, мог бы рассказать о себе, необычную историю, (чего многие так и не сделали). Во-вторых, они часто скрывали свою национальность, а из-за этого обмана, и детали своего прошлого. Наконец, они прибыли в Австралию, когда началась холодная война, и были, якобы, твердыми антикоммунистами, но, тем не менее, не считали Советский Союз полностью отвергнутой родиной, а Австралия – бывший союзник во Второй мировой войне, стал врагом в холодной войне.

Русские были почти полностью невидимы в послевоенной австралийской истории миграции. Отчасти потому, что численность их была меньшей, чем крупных миграционных групп той эпохи – поляков, югославов, итальянцев, и, частично, из-за стремления остаться незаметными со стороны выходцев из Европы, которые часто прибывали под другими национальными лейблами и предпочли вести себя сдержанно, опасаясь неприятностей со стороны советской или австралийской службы безопасности.

Русские прибыли в Австралию в конце 1940-х и 1950-х годах по двум направлениям: из Европа и Китай. Европейский поток поступал в основном из лагерей DP в Германии, Австрии и Италии, благодаря массовому переселению по схеме, установленной Международной организацией по делам беженцев (IRO) в 1947 г., и продолжался до 1950-51 гг. Лагеря DP были созданы для людей, которые были вынуждены перемещены во время Второй мировой войны в качестве чернорабочих и военнопленных, и оказались за пределами страны своего происхождения, большей частью из Советского Союза (включая Балтийские государства, вошедшие в состав

СССР в 1939 г.), Польши, Югославии и других стран Восточной Европы. Довоенные русские эмигранты – так называемая «первая волна», разлившаяся после большевистской революции 1917 года, также известная как «белые русские» (в отличие от «красных») – изначально не охватывались мандатом IRO, потому что их перемещение предшествовало Второй мировой войне. Но многим из них все равно удалось получить статус DP и прибыть в Австралию с остальными на судах, зафрахтованных IRO.

Китайское направление состояло из белых русских (многих национальностей), пересекших в конце Гражданской войны в России (около 1922 г.) границу и обосновавшихся в Китае, многие и родились там. Основным центром русских в Маньчжурии был Харбин: изначально русский город, он был основан, когда русские строили Китайско-Восточная железную дорогу на рубеже веков. Шанхай, Тяньцзинь, Далянь и другие прибрежные города Китая также имели значительное русское население, включая бывших офицеров побежденных белых армий (в том числе казаки атамана Семенова). Русские маньчжуры жили под японской оккупации с начала 1930-х годов до конца войны, когда на короткое время регион находился под советской оккупацией. Шанхайский контингент находился под менее строгой формой японского правления и в течение более короткого периода, с 1937 г.; в послевоенные годы заметную роль играло американское присутствие. Во второй раз «китайских» русских сместила с насиженных мест не война, а все более и более недружелюбное отношение китайцев, после того, как к власти в 1949 году пришли коммунисты.

История миграции тесно связана с холодной войной, которая повлияла как на процесс, приведший мигрантов в Австралию, так и на отношение к ним со стороны официальных кругов и общественности, с которым они столкнулись по прибытии. Миграционное измерение отсутствует в большинстве историй холодной войны, которые вместо этого имеют тенденцию сосредоточиться на дипломатии высокого уровня, на поисках союзников и клиентов сверхдержав, и на страхе перед шпионами и врагами внутри. Но в любом обсуждении холодной войны как международного явления миграция должна быть важной темой. Мигранты были возможными переносчиками коммунистической заразы, особенно если русский был их родным языком. Более того, с

советской точки зрения, право собственности на перемещенных лиц было одним из спорных вопросов начала холодной войны. Советы хотели, чтобы все их бывшие граждане были репатриированы на родину; и когда Запад возразил, а позже устроил переселение невозвращенцев в далекие страны, такие как Австралия, СССР были полны негодования по поводу «воровства» «своих» людей. С точки зрения Запада, не было воровства, а скорее гуманитарные усилия во имя людей, которые якобы «выбрали свободу» – излюбленный образ холодной войны, что было бы для них лучше, чем жизнь при коммунистической диктатуре. Потерпев неудачу в попытках вернуть «своих» DP, Советы предприняли меры по привлечению к ответственности «военных преступников» среди тех, кто переселился в Австралию и другие страны за пределами Европы. Как правило, эти люди не только дрались под немецким командованием во время Второй мировой войны, но также участвовал в зверствах против евреев и других мирных жителей в районах Советского Союза, попавших под немецкую оккупацию. Австралия, как и другие страны, входившие в число западных сторонников холодной войны, отказались их передать.

До недавнего времени изучающие социальную историю также, как и историки холодной войны, не проявляли интереса к миграции, предпочитая изучать людей и общества на месте, а не в пути, но с концентрацией научного внимания на транснациональных процессах, ситуация изменилось к лучшему. С моей точки зрения, как социального историка, нет ничего более интригующего, чем увидеть, как люди приспосабливаются и создают сообщества, самоорганизуясь в ожидании расселения и в его процессе. В прошлом я изучала, как после русской революции россияне, используя имеющийся потенциал, переосмысливали себя, чтобы избежать новых опасностей и откликнуться на новые возможности. Ранее я рассматривала послереволюционную вертикальную мобильность и то, как русская деревня реорганизовалась в результате коллективизации в начале 1930-х годов (и в процессе этого изменилось то, что значило «коллективизация»). Так я впервые посмотрела на людей в динамике в транснациональном контексте, что включает в себя переосмысление себя, социальную мобильность (часто вниз для первого поколения мигрантов, если не их дети) и самоорганизацию

сообщества в контексте новой страны. Стимулом для этого исследования была моя собственная реэмиграция в Австралию в 2012 году после почти пятидесятилетнего отсутствия.

Когда в середине 1960-х я уехал из Австралии в аспирантуру, миграция была признанным аспектом австралийской истории, – учитывая, что австралийская история понималась как история белого поселения, – но небританские мигранты, которые начали прибывать в больших количествах после Второй мировой войны, еще не были объектами большого научного интереса. Изменения произошли во время моего отсутствия, с появлением мультикультурализма в 1980-х годах, но акцент часто делался на вкладе различных групп мигрантов в австралийское общество и культуру. Сейчас миграция становится все более популярной темой в истории Австралии, особенно опыт мигрантов после прибытия (их жилье, работа, отношение к австралийцам и наоборот, степень ассимиляции и так далее).

Эта книга немного другая. Об опыте прибытия в чужую страну и первых попытках найти в нем место говорится в конце этой конкретной истории русских, а не в начале. Мое основное внимание уделяется различным траекториям, по которым русские мигранты попали в Австралию после Второй мировой войны. Подобно историку Джой Дамуси в ее работе о послевоенных греческих мигрантах, меня интересует багаж, который привозят с собой мигранты (хотя они могут стремиться забыть об этом) – в частности, их политический опыт и память.

Политический багаж, который привезли с собой мигранты из послевоенной России, интересен и в некотором роде противоречив. Все они пришли как антикоммунисты, доказательства: отказ от репатриации в европейском случае, исход из Китая под угрозой прихода коммунистического правительства, для «белых» эмигрантов антикоммунизм был ядром идентификации этой группы. Но для тех, кто были до войны советскими гражданами и были вынуждены покинуть дом в результате того, что стали военнопленными или подневольными рабочими, все было сложнее. Хотя невозвращенцы из советских граждан были столь же категоричны в своем отказе репатриироваться, особенно те, которые скомпрометировали

себя службой под немецким командованием в армии Власова, но, возможно, за этим скрывалась более неоднозначная позиция.

Когда в послевоенной Германии американские ученые провели масштабный проект-интервью с ДР (Гарвардский проект о советской социальной системе), они сочли своих респондентов резко антисоветскими в политическом отношении. Но когда дело дошло до социальных институтов, ДР высказались совсем иначе. Несмотря на осуждение «советской системы» в целом, они оценили предоставление бесплатного медицинского обслуживания и образования. Последнее рассматривалось как открывающаяся возможность для продвижения вверх. Они также поддерживали ряд «советских» ценностей, таких как равенство, эмансипация женщин и отсутствие дискриминация на основе расы и национальности, и выражали гордость за советские экономические и военные достижения. Можно предположить, что и ДР, направляющиеся в Австралию, разделяли эту двойственность отношений. Конечно, российский мигрант вряд ли начал рассказывать своим австралийским товарищам о системе здравоохранения в Советском Союзе, или его жена сообщать соседке через забор о возможностях женщин там: это та категория вещей, которые известны, но о них не говорят. Но для историка молчание может быть столь же интересным, как и самая красноречивая речь.